

18+

Ляудзы Дзень

Слишком разные

Ляудзы Дзень Слишком разные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51771791

SelfPub; 2025

Аннотация

Три человека, три взгляда на жизнь, три мира, которые где-то в пространстве и во времени пересекаются. Это не любовный треугольник, но их жизни повязаны между собой тонкими нитями, которые могут в любую секунду оборваться от неверного слова, поступка или же наоборот от бездействия и молчания.

Ляудзы Дзень Слишком разные

Часть первая

Неосторожное слово – и ребёнок вырастет, обманутая любовь – и человек ожесточается.

Андре Моруа

Тебе кажется, что ты вырастешь постепенно, но, черт возьми, однажды это хлестнет тебя, как ветка в лесу, отпущенная впереди идущим.

Из к/ф Влюбись в меня, если осмелишься

Глава 1

Я знал ее с первого класса, она всегда была тихой, но не скучной. Ее многие обижали, издевались, надсмехались и гнобили. Я не гнобил, но и не помогал ей. Поначалу я ее даже не замечал, как и она меня, я вообще мало с кем общался и замечал кого-либо. Мне было хорошо в своем мире, мире, где были мои фантазии, для меня он был реальнее, чем этот мир.

Притом меня никто и не спрашивал, а я и не говорил о том, что у меня в голове. Но, однако ж, с одноклассниками я общался, их считали троечниками и неудачниками, но от этого они не были плохими для меня. Я учился средне, на пятерки не тянул все предметы, но пятерки были в тетрадах, да меня и не ругали сильно, если только первые 4 класса, а

потом... Потом всем стало все равно на меня. И я стал расти сам по себе.

А затем отец женился, и у нас появилась моя младшая сестра, затем еще одна. А я рос, была бабушка, она водила меня в церковь. И я ненавидел ее за это, и я не верил в Бога. Я верил в богов, в древнеславянских, я стал изучать литературу по этой теме, и в конечном итоге я стал верить в них по-настоящему. И это стало моим спасением.

А сестры росли, я тоже и она. Она все так же меня не замечала, а вот я ее уже нет. У нее было худое лицо, слишком бледное, тонкое, с большими карими глазами и длинными темными кудрями, что вились у нее крупными локонами. Она была темной шатенкой, но к осени, за лето кончики ее волос выгорали и становились золотистыми.

Она отличалась от других наших одноклассниц и вообще сверстниц. Они уже в классе 7-м стали пользоваться косметикой, красить волосы, ногти, что-то там еще, чего я не знал. Она не была серой мышкой, у нее была яркая внешность несмотря на то, что она была не блондинкой с голубыми глазами, она все равно была яркой для меня.

Ее не любили одноклассницы и одноклассники, она была жертвой обстоятельств, но ни один из них не был хищником в полном смысле этого слова. Она часто плакала, кричала, а я просто наблюдал, не разделяя ничьего мнения.

Были такие же, как и я, безучастные к данной драме. Помимо нее была еще одна жертва для наших одноклассников,

ее подруга, точнее, я так думал, что они подруги. То ли ее вторую дразнили и издевались, потому что она общалась с ней, то ли просто так, от скуки.

Когда мы перешли в 5 класс, тогда нас объединили с «Б», и мы все стали «А», а другие стали «Б», типа гимназия, типа лучше, чем мы, умнее. В тот год умерла бабушка, и мое церковное и духовное обучение на этом было прекращено для меня навсегда. Я плакал один раз, да и то уже после похорон, после всего этого. То ли от того, что наконец понял, что бабушки нет, то ли от того, что больше никого не осталось, кто бы напоминал и был бы связан с моей мамой.

Нет, мачеха не была плохой, да и вообще она хорошая, порядочная женщина, но я закрылся, я всегда был закрытым, а после ухода бабушки совсем погрузился в свой мир и своих богов.

Отец работал, много, потому что нас уже было 3, я и мои младшие сестры и, конечно, мачеха. Ее, кстати, зовут Наташа. Она светлая, русая, глаза серые, обыкновенное лицо, и она совсем не пользуется косметикой, и мне это в ней нравилось. Не понимал я наших одноклассниц, зачем они себя малюют, она, кстати, тоже не красилась, и мне это в ней тоже нравилось.

В 6 классе она стала проявлять характер, но над ней по-прежнему все издевались или почти все, кто-то, как и я, сохранял нейтралитет. Она всегда была хорошисткой, всегда всё учила, она была скрытной. А я всё молчал, потому что

меня никто не спрашивал.

Время шло, мои младшие сестры росли, становились вредными, капризными. Я помогал Наташе, отец всегда или почти всегда был в командировках, он инженер. То в одну точку страны, то в другую пошлют. Всё хозяйство было на мне и на Наташе. Я учился хорошо, не зашибись как, но хорошо. Ходил до 8 класса по форме, потом забил, не, мне не было стыдно. Наши одноклассники с класса 7 забили на это, немодно, да и школьная форма была и есть дорогой.

Она тоже выросла, но ходила прилично, она вообще была приличной, стеснительной девушкой.

А в 7 классе она влюбилась в Сашу Орлова, и ее после Нового года посадили со мной за одну парту до конца года. Вот тогда мы как-то и стали общаться. Она сначала мало говорила, потом привыкла ко мне, я вообще почти всегда молчал. Я не знал, да и не знаю, о чем говорить с людьми в целом. Я слушал то, что не слушала она, смотрю то, что она никогда не будет смотреть, даже если я ей это посоветую, читаю то, что ей не интересно.

Она много читала книг и сейчас читает, мне это в ней нравилось всегда. Наши одноклассницы мало что читали по школьной программе и мало читают вообще. Не все, правда, была еще у нас отличница Айсу, хорошая девушка, они чем-то друг на друга похожи, внешне. Обе приличные, прилежные ученицы, только на этом все сходство их заканчивалось, пожалуй, еще и то, что они обе не славянских кровей.

Айсу точно кавказской национальности, а она... Она никогда не любила эту тему, да я думаю, вряд ли любит и сейчас ее обсуждать. Характер вспыльчивый, но в то же время она очень терпелива и холодна.

Одним словом, она влюбилась в Сашку и просила меня узнать как-нибудь, нравится она ему или нет. Я исполнял все ее просьбы, хотя знал, что это все глупо, и знал, что она ему не нравится. Я сам не знал, нравится ли она мне. А она эгоистична, пользовалась тем, что я помогал ей. Хотя это и помощью не назовешь. Вообще не понимал и не понимаю я эти все сопли розовые. Я сам тоже как-то влюбился, но не в тех промежутках подросткового возраста, правда, тоже не взаимно и неудачно.

Это у всех так. В 8 классе он все еще нравился ей, и мы все так же общались, гнобить ее стали меньше вместе с ее, как я считал, подружкой Дашей, но не до конца. От клейма жертвы тяжело отделаться. Хотя она стала более смелой, раскрепощенной, и в ней появилось много от девушки, появилась грудь. Не, она у нее была маленькой, не то что у некоторых, из-за чего многие девушки в 15 лет стеснялись ее, и многие, наоборот, выставляли ее напоказ, но это уже девушки постарше.

В то время у всех были тяжелые времена. Для нее, потому что Саша узнал, что он ей нравится, уж, как и почему – не понял до сих пор, а может, уже позабыл, и, конечно, не взаимно. Она, кажется, убивалась из-за этого сильно, я, честно,

не понимал почему. Ну подумаешь, насильно мил не будешь. Я тогда не влюблялся и не влюбился ни в кого, да и даже после того, как со мной это тоже произошло и оказалось не как в фильме, то моя любимая фраза: «Хозяин – барин». Но тогда я точно понял, что она мне нравится, просто нравится, нет, это не было ни любовью, ни влюбленностью, просто нравится и всё.

Но, конечно, я молчал, а скрывать мне было нечего. Или почти нечего. Как я уже сказал, она страдала, ревела и прочие эти сопли из-за Сашки, точнее, из-за того, что он, будучи в курсе, что симпатичен ей, списывал у нее домашку, она, естественно, ее всегда делала, в отличие от него, по разным причинам не сделанной, и продолжал вместе со всеми гнобить ее, как и прежде, если не хуже, более гадко, пошло. Нам же всем уже тогда было по 14, кому по 15 лет, типа уже взрослые и всё знаем и можем.

А я мучился от того, что происходило с моим телом. Сначала было это редко, иногда по ночам, чаще по утрам, да и то не всегда. А потом пошло-поехало, каждое утро. И вставал, точнее, просыпался от того, что мой половой орган торчал торчком под одеялом в трусах, и я ничего не мог с ним поделать.

Отцу говорить не хотелось, да и его почти никогда не было дома, как я говорил, а с Наташей я стеснялся это обсуждать. Но в 21 веке есть хорошее подспорье для таких одиночек и не совсем социальных людей – интернет. В нем я узнал много

чего и почему. У нас была биология в школе, но про это там ничего не говорили, про цветочки – это да, пестик, тычинки. На анатомии, что была в 8 классе как раз, тоже не уточняли это, ну, вы знаете, как пишут учебники для школьников.

Да, 15 лет – опасный возраст, когда родители не понимают, сверстники дразнят тебя, если ты не лидер, а если лидер, то тебе приходится быть всегда первым, всегда впереди, чтобы кто-то другой не занял твое место. Причем первым не в плане учебы, а совсем в других аспектах твоей жизни. В 14-15 лет кажется, что ты некрасивый, у тебя куча комплексов и прыщи, а еще это состояние по утрам, которое возникает еще и не только утром, но и днем, вечером, когда угодно и где угодно.

Так или иначе, я стал с этим справляться самым простым способом – рукой. Сначала я это делал втихаря, в ванне, когда пустил воду, чтоб никто не услышал и не заподозрил, чем я там занимаюсь. Потом, когда привык к этим вспышкам своего тела, то стал даже получать кайф от этого. Стыд прошел, поначалу все равно было стыдно, как будто делаешь что-то запрещенное, но затем понимаешь, что все так делают, только не говорят об этом.

Может, тоже стесняются, а может, так принято в нашем обществе – не говорить подросткам в школе, что их тела растут и меняются, что это естественно, а не то, что нельзя смотреть порносайты и смотреть журналы с голыми телками, что это «фу-фу-фу». Но это как раз естественно, и об этом надо

говорить, говорить, что нельзя трахаться без гандонов, иначе будет залет у девушки или потому так же, что нельзя спать со всеми подряд, это негигиенично и аморально, а не то, что до 18 лет это запрещено и считается преступлением.

У нас глупые законы, честно, в 14 лет оформляют паспорт, и ты типа можешь пойти работать летом или в выходные дни по паспорту расклейщиком реклам, в кафе, тот же «Магдак» или еще куда-нибудь, но ты считаешься еще несовершеннолетним, и поэтому за тебя отвечают родители, и при всем этом ты типа взрослый, и тебя могут посадить за воровство или косяк на работе в тюрьму для малолетних.

Но вступить в брак ты можешь в 18 лет, тогда же ты перестаешь быть ребенком и сам можешь уже стать родителем, тогда же тебя заберут в армию или, если ты такой хитрожопый, то поступишь в универ на военную кафедру или просто тебя отмажут от армии.

Но что самое смешное, если бы не было грустным, трахаться подростки могут, начиная с 13 лет, у кого как. Нет, я в 13 был чист и невинен, как стекло, причем хорошо вымытое, что его даже не видно, пока не упруешься в него лбом.

И в то же время, если 18-летний трахнет 15-летнюю девицу, и она, не дай бог, залетит, если парень кретин или просто что-то у них не сложится, и она вся в таких расстроенных чувствах расскажет маме, а та папе или даже если и без отца растет, то мама подаст на парня в суд за изнасилование несовершеннолетней (хотя никакого насилия и не было) –

это в одном случае, а в другом папаша оскорбленной невинности (еще выяснится, что невинность была утрачена не с этим парнем 18 лет, а с кем-то еще) заедет по щам этому придурку, что связался с малолеткой и разбил ее сердце, а по сути, может, ее гордыню и самооценку.

Поверьте, в 18 лет парни ничем не лучше 15-летних девок, как раз их уровень, не все, конечно, но... Мне тоже было когда-то 18, и я тоже с кем-то просто трахнулся и всё. Но об этом не хочется вспоминать. Нет, если подумаете, что типа грустно или я сожалею об этом, то не а. Мне было очень плохо, было грустно, хотелось умереть. Выпивка и незнакомая компания делают иногда такие вещи с твоими моральными принципами и устоями, что потом и вправду стыдно вспоминать.

Помню лишь одно, нет, не имя. Имя я ее не знал и не спрашивал, как и она моего. Кстати, именно это и отрезвило меня после пьянки, в переносном смысле слова, иначе бы я далеко бы ушел по этому пути... А то, что она была холодной. Нет, не телом, тело у нее было теплым, даже горячим, от выпитого алкоголя, там, внутри, холодная. Она ничего не испытывала ко мне сердцем, душой, чувствами. Их не было, чувств. Мы только трахались телами. Я был, нет, не груб, я не причинил ей боли, она не была девственницей, это и ясно, но я, кажется, излился бы в нее, заполнив ее до краев, если бы не презерватив.

И об этом я тоже никому не рассказал из семьи, хоть мы

и были чужими немного друг к другу, я чувствовал себя чужим, отстранившись от них. Я сказал только Ей, да и то не всё, лишь кинул фразу, что мне было плохо, я хотел умереть и переспал с неизвестной девкой, и она была холодна ко мне. Я постыдился сказать Ей, что я даже имени ее не знаю и лица не помнил.

А всё это произошло из-за того, что я был отвергнут, когда наконец-то влюбился, как и положено, в подростковом возрасте в девушку, только что-то я с этим делом притормозил, как всегда, в последних рядах в списках что у девушек, что у парней в друзья.

Мне хорошо без людей, нет, я серьезно. Мне хорошо в моем одиночестве, я живу в своем мире и, разбавляя его иногда теми беседами или встречами с друзьями, что у меня есть и были в школе, на работе, в институте.

Все люди ищут общения, значит, у них плохо работает фантазия, раз они так жаждут общаться. Я так считаю, у меня с фантазией всё хорошо. И я не считаю себя маньяком или социально неприспособленным. Да, фантазия у меня и вправду хорошо развита.

Я говорил, что она мне нравится, как человек, если так вспоминать, то я видел, как она росла и менялась, как из статуса жертвы перешла в статус нейтралитета, но не лидера. Она сильная духом, усердная, может, не блистает умом, но трудолюбие и упорство компенсирует это, она далеко не глупая и совсем не похожа, по крайней мере не была похожа на

наших одноклассниц, в дальнейшем и на всех девчонок, что я видел в школе.

И да, она мне нравилась как человек, но я ее не любил, я это понял, но слишком поздно или не тогда, когда надо было, а еще, что самое неприятное и унижительно для нее, если бы она знала, а она узнала, мне хватило смелости и духа сказать ей это, я ее хотел. Хотел ее тело, но и ее душу. Не знаю, чего больше, может, в те школьные, учебные года в универе и прочее телом, а потом где-то в лет 20 или чуть старше и душу. Ее душу.

Глава 2

Как я уже говорил ей нравился Сашка Орлов, вообще он парень неплохой, я к нему никак не относился ни хорошо, ни плохо. Он занимался спортом, в не школы вместе с его другом Тиграном, то же не плохой парень, только вечно опаздывал на уроки. В общем я не знаю, чего она в него влюбилась, внешность у того была обыкновенная: тонкий, но засечет того, что он занимался спорт в качалке, не выглядел дряхлым и дрыщем, волосы темные, шатен, но светлый, глаза карие, ему потом пришлось очки носить у него зрение село. Я тоже носил, но потом перестал, у меня со зрением все нормально, потом стало.

Одним словом, ничего примечательного. Мы с ним не были друзьями, да и врагами тоже. Я не особо общался с ними, а они не трогали меня. Мне было некогда гулять после школы, ведь у меня было еще 2 сестры, а к концу обучения стало

уже 3. Не знаю, только зачем им еще одна понадобилась и этих хватало.

Мои младшие сестры были капризными, как раз стали ходить в качалку, они не были глупыми, в принципе, как и я не были глупым, но они были ленивыми и упрямыми. Если им чего-то не хотелось учить или делать по дому, к примеру, убрать клетку за их кроликами, то они устаивали такую истерику, что помогал только ремень. Меня отец тоже порол в детстве, теперь этим занимался я, он же всегда был на работе. А если и нет, то что-то всегда делал по дому, по хозяйству.

Мы же жили в отдельном доме, не за чертой города, но как бы на природе, у нас был и свой огородик, и садик, где Наташа, мачеха любила возиться в свободное время, которого у нее почти никогда не было, как и у меня самого, но я все равно ей помогал.

Мои сестры, одну звали Аня, другую Маскя, Маруся, обе не любили читать и вообще напрягаться по поводу чтения того, что им задавали в школе. Я – то читать любил, но мне не удавалось, привить им эту любовь к чтению. Аня не любила и химию с биологией в школе, Маруся любила химию, но не школьную, а эти знайте, наборы для детей, типа "Юный химик" и прочая ерунда.

Может это и интересно и все такое, но в школе от них не этого ждут и не это спрашивают. Я если честно химию никогда не понимал и биологию не любил, а вот Она, она это любила и что главное понимала, я-то не. В принципе на

тройку с переменностью на четверку, я тянул предметы, и даже на удивление себе, был хорошистом и просто хорошим мальчиком.

Конечно, я казался таким, ведь я не был как Сашка душой компании, не заводил никого и не доводил до слез, не опаздывал на уроки как Тико и делал их всегда, был тихим и молчаливым, но они ошибались, не в этом проявляется хороший я человек или нет.

Даже тот, факт, что я читал книги и домашнее задание по литературе, когда все остальные или почти все этого не делали, не играет существенной роли, я был, как я думал нейтралитетом, не выбирал ни чьей стороны, хотя во многом был не согласен, но я молчал.

Но, с другой стороны, Она же справилась сама и за это я ее уважаю, хотя, по-моему, ей все равно на это. Она как-то сказала, когда мы стали общаться и даже я стал говорить много слов, а не односложно, что ей нужен был друг, а я просто сидел и молчал, но главное: «Ты ничего ни черта не предпринял, чтобы помочь мне, даже если я не просила об этом, хотя все прекрасно видел. На коль ляд мне твое уважение ко мне? Ты не уважаешь меня, так что молчи уж дальше...» – Да, она была права, и я молчал дальше, хотя наверно стоило уже и не молчать.

Я все пытался понять, что мне нравится в ней, в итоге решил, что вот именно это, откровенность и где-то хамство. Ведь она меня оскорбила, сказав все это, но, черт возьми,

она была права.

Еще мне нравилось в ней эта живая искра, она стала проявляться в ней уже после ухода ее из школы, она ушла после 9 класса в училище, а я остался, как и Саша до 11. Я не знал еще, куда я буду поступать, потом, как часто это бывает в семье, если отец инженер, так и сын туда же. Вот и я пошел туда же. Мне нравилась делать что-то руками, хотя в физики в школе я был не силен и это доставляло, мягко говоря, много мне проблем, но на практике, все оказалось не так уж и сложно. Я любил свою профессию, а вод родственников – нет.

Помимо бабушки со стороны моей мамы, у меня, как понятно появились еще бабушка и дедушка уже со стороны ма-чехи. Наташа была хорошей женщиной, я это говорил уже, но вот ее родители. Они меня не любили, да и я их, да это вообще не важно, конечно я же чужой. Так они и не любили и своих внучек, моих сестер, это я уже потом домыслил, в лет так 20 с хвостом, почему они еще одного ребенка сделали, они надеялись, что это будет мальчик.

Нехорошие они были люди, родители Наташи, корыстные. Мы же жили в отдельном доме, да и отец был не последним человеком в инженерных кругах, в общем чуete к чему я клоню. Я – наследник большого дома и капитала. А ха -ха.

С того момента, даже немного раньше я решил, что построю свой дом, может не такой большой, как наш дом и буду жить отдельно от всех них. Иногда меня доводят до точ-

ки плавления мои родственники и сестры, хотя это сделать очень, очень тяжело, поверьте. Ей это не удавалось, за то ее легко можно было взбесить, хотя для этого тоже надо постараться, и у меня это получалось лучше, чем понимать ее.

В общем, когда я это понял, я перестал вообще с ними общаться, когда они приезжали навестить мачеху и сестер, даже для приличия я перестал здороваться, а они этого и не заметили, кроме самой Наташи. Отец своих родственников, как и я тоже недолго любил, но его часто не было дома, так что отдуваться приходилось поначалу мне, а потом я просто уходил в свою комнату и погружался в свой мир.

Когда я узнал, что Она уходит после 9, как раз были это ГИА, то я не расстроился, как я всегда говорил и говорю, хозяин барин, да и притом она мне нравилась, но я ее не любил, это наверно ключевое. Но это не значило, что я перестал хотеть ее тела. В 15-16 лет, я уже вполне справлялся со своими утренними вспышками и в целом с этим делом. Да, я дрочил сидя, рассматривая картинки всякого такого происхождения. Я думал о ней, и если бы она знала, об этом, о том, что я думаю, то наверно сразу бы перестала со мной общаться.

Как я уже говорил, я могу жить без общения с людьми, она сказала на это, что это плохой признак, что в одиночестве никто жить не может и все это может плохо закончиться для меня и окружающих, если я вдруг спячу и стану маньяком или неадекватным. Меня это только насмешило, на что я ей

ответил, значит, у людей не хватает фантазии.

Хотя сказать, что у нее не было фантазии это было бы оскорблением в ее адрес. Учитывая, какие она порой делала себе прически на голове из своих длинных, густых волос и какие иногда говорила вещи и мысли, что мне было странно, как ей может быть необходимо общение с кем-то, если мы так похожи.

Нет, это не значит, что я хочу сказать, что, мы идеально подходим друг другу, хотя я и думал об этом, а то, что, мы живем в своих мирах, я в своем, а она в своем, мне так казалось.

Но, я скрывал это довольно долго, я и сам не мог понять, почему именно она, почему именно ее я так хочу. На других девушек я так не реагирую, так неосознанно, это будет правильнее. Я осознавал, что если девушка идет в мини юбки, что открывает посторонним обозревателям ее ноги и почти все бедра и еще довольно туго обтягивает ее попу, которая перекачивается в так ее походке, при каждом ее шаге под тканью, да в добавок еще имеет глубокое декольте толика или кофты, что так же открывает посторонним ее грудь, даже если и не пышную и не 4 размера, это повлияет на мой нижний ярус самым прямым образом, если я того очень сильно захочу.

Но с Ней все было как на вулкане, точнее приводя ее иногда меня пронзало такое желание, что мне было стыдно даже об этом думать, а говорить тем более.

В своих фантазиях, а у меня довольно бурная она и как в плане вымышленных несуществующих миров, так и в плане секса, я видел ее обнаженной, в одном лишь нижнем белье. Оно должно было быть кружевным, прозрачным, дразнящим, скрывающим и при этом ничего не утаивающим, черного цвета.

Оно бы ей шло, так как кожа у нее бледная, как я снимал бы его с нее, медленно, чтобы насладиться каждым сантиметром ее идеального тела. Оно и вправду было у нее красивым, она занималась танцами, сама говорила, поэтому талия, ноги, попа у нее были подкаченными и отточенными.

Потом бы сняв нижнее белье с нее, я бы долго смотрел бы на ее выпирающие ключицы и венку на шее, где бьется пульс, нежно бы провел по ее щеке и распустил бы ее волосы, которые бы крупными локонами упали бы на ее спину, на слегка выпирающие лопатки. Провел бы по тонкой шее вниз до ключицы, остановился бы и заглянул бы в ее большие, карие глаза, обрамленные темным ресницами.

Дотронулся бы до ее губ, маленьких и теплых, проник бы в ее рот и жадно бы обследовал его, изучая все его изгибы, тем временем бы мои руки сместились бы с ключиц на груди, не большие, но мягки и упругие. Я бы сжал бы их мягко, но сильно, так что бы ее соски затвердели, и она бы застонала.

Затем бы я переместил бы губы на ее шею и почувствовал, как бьется ее сердечко, как оно трепещет, мои бы руки спустились бы вниз на ее тонкую талию и прижали бы ее об-

наженное тело к моему, медленно я бы спускался с ключиц, к ее груди.

Подхватив бы ее за стройные ноги, уложил бы на постель, медленно, глядя в ее испуганно- удивленные глаза, ища в них признаки разгорающейся страсти, той что сжигает меня вот уже который год. Дойдя до ее груди, обхватил бы затвердевший сосок и пососал бы его, она бы вскрикнула бы, я знаю это. Прodelов тоже самое с другой ее грудью я бы спустился вниз к животу, медленно видя языком по ее мягкой, белой, почти прозрачной коже, языком, чувствуя под руками как она вздрагивает от моих прикосновения. Дойдя до лобка, до этого сокровенного и желанного мною места, я бы обнял ее бедра и легонького бы сжал бы. Она бы напряглась и посмотрела бы на меня, в мои глаза.

Я бы увидел в ее глазах настороженность и угрозу. Смотрел бы в ее лицо, оно серьезное, нижняя губа прикушена, подбородок вздернут вверх, брови слегка приподняты. Я бы нежно провел рукой по внешней стороне правого бедра и тихо сказал бы:

– Расслабься. – Она бы хмыкнула и наверно ответила бы что-то в том роде, что ему-то легко этого говорить, ибо лишение девственности у мальчиков безболезненно, и не сроднено со случайной беременностью. Как всегда, она бы была прямолинейна и честна. Она была бы права. Хмыкнув, я бы мягко сжал бы ее бедра, одновременно с этим бы повел языком по шее снизу вверх и обратно.

Она бы затрепетала от этого, покусывая тонкую и нежную кожу на ее шее, я бы слегка раздвинул бы ее бедра и провел бы рукой по ней. Я знаю, она бы тихо выдохнула бы воздух через ноздри, но все так же бы была напряжена.

Спустившись с ее шеи, вниз по плечу, я бы аккуратно бы ввел бы в нее два своих пальца. Я точно знаю, что она бы судорожно вздохнула, но не убрала бы мою руку. Медленно шевеля в ней пальцами, я бы почувствовал, как в ней разгорается пламя, как она становится мягче, как набухает в ней эта влага, которой покроются мои пальцы.

Она не произнесет ни слова, ни стона, но я буду следить за тем как меняется ее лицо, выражение глаз, как их будет медленно покрывать поволока, как ее рациональность и вечный контроль над собой и своими чувствами будет ослабевать.

Я и сам буду медленно, но намного быстрее, чем она возбуждаться от этого, но я буду сдержан в своих порывах, чтобы не напугать ее и не причинить лишней боли. Вот она часто задышит, когда я ускорю темп пальцами. Она станет мокрой и мягкой от этого. Ее глаза расширятся, станут еще больше, губы приоткроются, и она облизнет их языком, от чего мне захочется сразу в нее войти, но я буду сдерживать себя.

Убрав из нее руку, я раздвину ее ноги и продолжу это делать языком и губами. Прикоснувшись к ней губами и ощутив, как она вздрогнет, я лизну ее, и она тихо выдохнет. Она окажется солоноватой на вкус, что еще долго будет на языке. Она тихо прошепчет:

– Это неправильно.

– Что неправильно? – Спрошу я, приподняв голову и посмотрев в ее лицо.

– Все это. – Выговорит она, щеки ее будут алеть, а глаза блеснуть. Я увижу, что она тоже этого хочет, но разум ее цепко держит в своих оковах. Она готова отказаться от этого, потому что еще не совсем потеряла голову от страсти. Я знаю, что она такая и буду готов к этому. Я не буду спешить. Ничего не ответив, я опускаю голову, присоединив руки, раскрываю ее большие половые губы и нахожу эту точку. Тихонько тру, она выдыхает и вцепляется мне в плечи.

– Это не честно. – Скажет она. Она еще в состоянии мыслить и говорить. Не зря она всегда говорила, что у нее крепкая голова, это уж точно. Я лишь улыбнусь, не поднимая головы и вновь тру, потом обхватываю это местечко губами и играюсь с ним языком и губами. Она вздрагивает, ее руки на моих плечах, сжимаются еще крепче. У нее сильные руки, как и все ее тело, подкаченные и подтянутое. Мне это нравится. Еще немного и она будет не властна над своими чувствами, ее вечный, недремлющий мозг, всему голова, не сможет остановить ее тело.

Я продолжаю эту пытку и для нее и себя. У меня уже давно стоит, и я ели сдерживаюсь, что б не сорвать с себя трусы и, надев гандон, войти в нее. Ее руки на моих плечах ослабевают, она опускает их на постель. Я отрываюсь от ее интимного местечка и веду губами по внутренней стороне бедра вниз,

к колену. Она вздрогнет и чаще задышит. Еще чуть-чуть и она будет моей. Это и пугает, и будоражит одновременно.

Я знаю у нее никого не было до меня. Некоторые парни, чаще всего не любят неопытных, их мол надо всему учить и прочее, первое на перво лишение невинности, а не все умеют себя сдерживать или не хотят, что будет вернее. Но, для меня это ценно, я приверженец старых традиций, хотя как оказалось позже, в 18 лет мне было все равно с кем трахнуться на пьяную голову, но в те времена я думал, что я лучше и чище других парней, людей.

Согну ее правое колено, проведу ладонью вверх по нему к бедру. Прделаю то же самое с левым бедром. Она будет часто дышать, она будет понимать, что сейчас будет. Хоть взгляд ее затуманен, но глаза ее выражают испуг перед неизвестным. Я знаю это, я вижу.

– Не волнуйся. – Тихо прошепчу я ей на ухо. Она сглотнет слюну и кивнет. Я возьму пачку и сниму обертку.

– Если хочешь, можешь прикрыть глаза. – Скажу я, вставая с кровати и берясь за резинку трусов. Все мое хозяйство выпирает пикой из них. Она сядет на кровати и с любопытством посмотрит на меня. Меня это немного смутит, но я сниму трусы, и она тихо ахнет. И опустив взгляд, зардеется, я надену на половой член презерватив и опущусь на постель рядом с ней.

Она поднимет взгляд на меня, ее глаза будут ясными и чистыми. Этот невинный взгляд меня обескуражит. Я дотро-

нусь до ее щеки и приобняв за плечи. Опустив голову, я поцелую ее в губы.

Сначала нежно и слегка касаясь ее теплых губ, проводя языком по нижней, более пухлой губе, затем, когда те откроются мне на встречу, проникаю в ее ротик и проиграюсь с ее языком. Мои руки тем временем соскользнут с ее плеч на талию, и я медленно уложу ее обратно на простыню, целуя уже не так нежно, но и не грубо.

Скольжу вниз по животу, раздвигаю ногой ее бедра, дотронусь до ее сокровенного места, она источает жар и влагу. Я отрываюсь от ее распухших от поцелуя губ и улыбаюсь.

– Ты готова. – Шепчу я. Я не спрашиваю, а утверждаю. Она часто дышит, я вижу, как поднимается ее грудь и опадает. Сгибаю ее колени и проведу ладонью вниз и плавно вверх. Впервые она тихо застонет от моего прикосновения. Я хочу, чтобы она не сдерживала себя, но не будем спешить.

Ее разум уже не управляет ее телом. Я возьму ее прохладную ладонь и прикладываю к своему органу. Она удивленно посмотрит на меня.

– Чувствуешь? – Спросил бы я. Она наверно, кивнула бы. – Я хочу тебя, как же я хочу тебя. – Шепчу я. Она бы покраснела. – А ты? Ты хочешь меня? – Спросил бы я. На самом деле я не знаю, что бы она ответила. Меня всегда это волновало, но на самом деле я и так знаю ответ: «Нет», всего бы этого и не было бы. Она меня там, в реальном мире не хочет, но в моих фантазиях...

Она бы кивнула. И тогда бы я медленно убрал бы ее руку и, оказавшись между ее бедрами, направил бы себя в нее. Без спешки и с большим усилием бы я медленно вошел бы в ее жаркое и манящее естество. Она бы занервничала бы, но я бы обхватил бы ее бедра и слегка сжав их и вошел бы в нее полностью. Она бы вскрикнула, я бы внутренне сжался бы и застыл. В тишине бы слышалось только наше дыхание, потом бы шепотом или может и нет, она бы открыла глаза и сказала, а может просто бы шевельнулась по до мной, и я понял бы, что могу двигаться в ней.

Я бы вышел из нее медленно, затем вновь бы осторожно зашел, давая ей время привыкнуть ко мне. Я бы почувствовал это, когда она была бы готова двигаться со мной в унисон, в бешеном темпе. Тогда бы я не сдерживался бы.

Она стонала бы от наслаждения, и я вместе с ней. Я бы довел ее до оргазма, она бы кричала, хотя не, вряд ли, я не настолько спец в этом деле. Но, я бы сделал все, чтобы ей понравилось это. И в конце, когда я чувствовал бы что я сейчас кончу, я бы подождал ее и она бы, обвив меня руками и ногами, а я, подхватив ее под ягодицы, прижимая к себе, извергся бы в ней, крепко сжимая и ощущая как ее ногти впиваются мне в спину, причиняя немного боль.

Но, это боль была бы незамеченная мною, перекрытая тем фонтаном чувств, что бы охватили нас. Наши тела бы содрогались бы в конвульсиях и потом бы мы упали бы без сил на простыню, часто дыша и содрогаясь от волн наслаждения,

что накатывали бы на нас. Ее бы ноги, скрещенные на моих бедрах, расслабились бы, и я вышел бы из ее жаркого, упругого лона.

Но, это всего лишь мои фантазии, из-за которых я плохо сплю по ночам и каждый раз, дроя я представляю ее и от этого мне становится еще противнее за себя, когда я вижу ее и думаю о том, что бы я хотел с ней сделать...

Глава 3

Как я уже сказал выше, после сдачи ГИА, она ушла из школы. Это не было для меня драмой, нам всего было по 15 лет, вся жизнь и возможности впереди. Она редко писала мне, я тоже не особо часто. Нас в 10 классе было всего 20 человек, собранных из всех классов, в один общий "а". Сашка тоже остался до 11 учиться что бы, как и я потом поступать в институт.

Моя жизнь была полна хлопот, сестры росли, им нужно было уделять время, общаться с ними, что бы они не росли дикарками. Хотя так оно и вышло, они были не такими как я, они были их детьми. Наташа она, немного располнела и все чаще обращалась ко мне с разными просьбами по хозяйству и дому, конечно, я помогал.

Однажды летом, когда она окончила первый кур училища, а я, следовательно, 10 класс, мы встретились. Увидев ее впервые после нового года, мы тогда тоже встретились, она все еще думала о Сашке, а он о ней нет, зато я иногда думал о ней, я был в небольшом шоке.

На ней было сиреневое в цветах платье, с черным пояском, что подчеркивал ее талию и грудь. Она была у нее, грудь, оказывается, в босоножках. Волосы она заколола наверх, на глазах были солнцезащитные очки, что скрывали ее глаза.

Я уже ждал ее, когда, обернувшись, увидел, как она входит в ворота, мы уговорились встретиться возле школы. Она подошла ко мне и сказала:

– Привет, Лех. – Голос ее был немного низким, но в то же время мягким. Она похорошела. Она уже не была такой бледной, а может солнце уже успело позолотить ее кожу, руки и ноги были подкачены, как и ягодицы, ткань не плотно, но в общих чертах обтекала ее бедра и грудь.

– Здравствуй, Лилиан. – Сказал я. К тому времени нам уже исполнилось по 16 лет. Мне недавно, а ей еще зимой. Она всегда была немного впереди меня, даже с датой рождения. Мы пошли по дороге, в некуда. Она говорила, а я слушал, как всегда до этого момента, как в школе, когда сидели перед уроками.

Когда она говорила, она часто жестикулировала и голос ее – то поднимался до высоких нот, то падал до баса. Как я понял из ее рассказа, ей нравился один парень, ее сокурсник, и по жанру мелодрамы, она ему нет. Она еще вопрошала, почему ей так не везет, но в целом я понял, что у нее все хорошо и ей нравится там учиться и общаться с теми людьми.

Конечно, когда она выдохлась, она стала спрашивать про

мою жизнь. Я не мог и не хотел ей ничего говорить, да, по сути, ничего и не было нового. А, ну, конечно, она спросила про Сашу, но как я понял, он уже уходил на второй план из ее жизни и мыслей, а я все так же был для нее не интересен, а я все так же не знал, почему еще она мне нравится.

Хотя какая разница из-за чего, в ней было много достоинств, как и недостатков. Она была волевой и эгоистичной, как и все мы, она была прагматичной и щедрой на душу, она была взрывоопасна и не сдержанна, как на слова, так и на поступки, но именно ее поступки и поражали меня порой. Я часто говорил, что она потрясающий человек, она сначала спрашивала, почему я так считаю, когда ее мой ответ не устраивал, она требовала разъяснений, но я не умел ей это объяснить. В итоге она махнула на это рукой, во всех смыслах слова.

Поэтому, когда она спросила, что у меня нового, я не смог поддержать и развить эту тему. Я не знал почему, но мне совсем не хотелось никому и ей, в том числе что-то говорить, это ее очень раздражало, злило и она обижалась. А обижаться и злиться она умела, очень хорошо.

Одним словом, когда у нее закончился текст, а я не смог развить тему разговора, мы разошлись по домам, как это было часто и до этого. Я проводил ее до подъезда и она, зайдя в него, не обернувшись, вновь ушла с поля моего зрения. Я не скучал по ней, я думал о ней, а еще это вечная потребность тела, многие из нас уже знали, что это такое, я же не спешил

с этим, и как же я разочаровал сам себя, когда совершил это не стой и не в подходящее время.

Прошел еще год, вновь настала весна, 11 класс подходил концу, мне исполнилось 17. Я сдавал экзамены по физики, так как поступал на инженера, как и мой отец. На тройку сдал и даже поступил в институт. Мы с Лилиан не общались, но я помнил о ней, помнил и все ждал, что я пойму, что люблю ее, но этого не происходило со мной.

В универе я, так же, как и в школе сохранял нейтралитет, меня никто не трогал, и я никого. Как-то стал общаться с одним парнем, сдружились, вот и славно, время бежит быстро первые зимние экзамены, мне уже исполнилось 18 лет. Это был роковой год для меня. А зимой был роковой день, когда я, идя после экзаменов, что сдал, не блестящи, но сдал же, из универа, столкнулся с девушкой.

Она выводила из спец школы. Она смеялась, идя с подружками, ее распущенные волосы, тоже, как и Лилиан ша-тенка, с темно карими глазами, у Лилиан они светло карие, с ровной белозубой улыбкой и ямочками на щеках.

Снежинки падали на ее волосы, и, не тая сразу, преображая ее и так идеальное лицо, и весь облик в целом. Все внутри у меня сжалось в струну, она прошла вместе с подружками мимо меня, а я не мог прийти в себя.

– Эли, подожди! – Крикнула, девушка, выбегающая из ворот, спец школы. Элей, как раз звали эту девушку, из-за которой я впал в кратковременный штопор. Она обернулась на

голос, и я еще раз увидел ее лицо. Я влюбился в ту секунду, сразу и надолго.

На следующий день я набрался смелости и, подкараулив ее на выходе из школы решил познакомиться, но увидев ее, смутился и ничего не сказал, когда она проходила мимо, с подружками. Она даже на меня не взглянула. Я вообще-то по жизни тормоз и спешки не люблю. Был конец декабря, предпраздничная неделя, я знал, что если сегодня или завтра не познакомлюсь с ней, то потом не увижу ее. Может и к лучшему думал я, глядя ей вслед.

Но, ночью дома, в своей комнате, я вновь вспоминал это лицо и ямочки на щеках, этот смех и глаза, темные, манящие, скрывающие какую-то загадку. И вот я вновь после универа иду и вижу, как она выходит, одна без подружек. Это мой шанс, понимаю я, это знак. Я набираю воздух в грудь, медленно выдыхаю и жду, вот она проходит вновь мимо меня, и я говорю:

– Эльвира. – Она останавливается и поворачивает свою голову ко мне. Взгляд ее уловленный, но в нем нет заинтересованности.

– Да. – Отвечает она. Тембр ее голоса так же мелодичен, как и смех.

– Я хотел. – Начинаю я и заминаюсь. Она молчит, глаза ее уже не выражают интерес. Вот, вот и она уйдет. Понимаю я. – Вы мне нравитесь. – Говорю я. Она приподнимает, красиво брови верх, глаза ее смеются.

– И? – Спрашивает она.

– Хотел познакомиться. – Говорю я и смущаюсь, морозит, но мои щеки пылают. Она, прыская от смеха.

– Так со мной еще никто не знакомился. – Говорит она отсмеявшись. Я решаю ее проводить до дома, мы идем, она сама начинает говорить, чем-то напоминая мне Лилиан. Я иду и краем глаза наблюдаю за ней, речь ее правильная и быстрая, в свои 16 она очень умна и хороша собой. Да ничего удивительного, видно, что из обеспеченной семьи и учиться в специальной школе, хочет в будущем быть менеджером по рекламе, притом ее школа имеет договор с училищами и институтами. Честно, тогда я был очарован и не все сразу уловил, что она мне говорила. У Эльвиры много друзей, подруг и, да она пользуется косметикой, но так и не понял какая часть ее лица была в ней. Мне казалось, что и так она красива.

Мы дошли до ее дома и распрощались, она оставила номер своего мобильного и сказала, что я могу звонить в любое время. Придя домой, я тут же нашел ее в вк и добавил в друзья. Я был совершенно ею очарован, но у меня не было столько времени, чтобы постоянно сидеть в сети и переписываться с ней.

Сначала она много говорила, а потом настал тот момент, когда говорить должен был бы я и я не мог, но я пытался говорить. Конечно, ей было интересно знать о моей семье, обо мне, о том, где я учусь, на кого, в общем, стандартный

набор вопросов при встрече двух незнакомых людей.

В универ уже можно было не ходить, но от этого свободного времени у меня не стало больше, начались предпраздничные приготовления и хлопоты. Отец был в очередной командировке, и Наташа вновь просила меня о помощи.

Эльвира это время не скучала, у нее тоже уже закончились уроки в школе и поэтому последние деньки до наступающего нового года, она проводила в гулянках со своими подружками. Я не возражал. 30 декабря у меня выдалось пол свободных дня, и мы с ней во второй раз после нашего знакомства провели вместе. Она любила ходить по ТЦ, а мне было все равно.

Мы поехали в ТЦ на Киевском вокзале, она радовалась как ребенок всему что блестело и сверкало, в итоге она купила блестящую кофточку, пару сережек к ней и что-то там из косметики. Я вызвался это все оплатить, в честь наступающего нового года и просто так. Она не возражала. Сумма была признаться внушительная, но мне было не жалко. Я был влюбленным в нее.

Конечно, мы зашли поесть в кафе и там она тоже заказала то, что любила, там я тоже платил. В итоге я довел ее до подъезда и она, чмокнув меня в щеку впорхнула в него, обернувшись она послала мне кокетливый воздушный поцелуй.

А вечером дома я встретил отца и наших родственников, настроение резко испортилось, еще, потому что я узнал новость, Наташа вновь была в положении, поэтому всех и со-

брали, и пригласили к нам. И я понял, что лучше бы я учился, но теперь у меня была девушка, и я мог выйти из дома под обоснованным предлогом на крайний случай.

Но, зря я надеялся, что за остаток вечера 30 декабря меня не смогут расстроить еще больше, чем я расстроился, увидев родственничков. И как же я ошибался, думая так. Мало того, что я не смог улизнуть в свою комнату, так как это был как раз семейный ужин и все были внизу, за столом, так меня усадили за него и сказали, сиди, так мало сиди, еще и улыбайся, и кивай как идиот.

Бабушка со стороны мачехи сказала, что в моем возрасте пора задумываться о том, чтобы жить не на обеспечение отца, ведь он, по сути, один нас всех кормил, и вообще еще не факт, что я закончу универ и стану хорошим инженером, как мой отец. Короче меня обосрали с головы до ног, вообще моя бабушка, не особо меня любила, как я уже говорил это, так она еще меня видно, считала придурком, и в этом я не собирался ее разубеждать.

Дедушка со стороны мачехи, говорил мало, но, если говорил, тоже гадости и колкости, они и отца моего не особо любили, но терпели его и меня за одно видно только из-за денег.

Все это я осмыслил буквально за ночь с 30 на 31 декабря. И ключевым было то, что они заговорили, о народившейся тогда мой третьей сестре. Я их стал ненавидеть еще больше, раньше только презирал, но потом стал ненавидеть. И это было ужасным для меня, я до того дня никогда никого так

не переносил и никогда никому не желал зла.

В ту ночь я почти не спал. Я привык к тому, что отец не особо нежен и ласков со мной, что младшие сестры эгоистичны и глупенькие еще, что Наташа не любит меня как родного сына, но уважает и всегда благодарит за помощь, не только словами, но и действием. Но, меня выбило из колеи то, что, когда моя бабушка, со стороны мачехи, перешла к тому, что я бездельник и эгоист, ни помогаю, ни отцу, ни мачехе, что они оба молчали. Хотя ведь это не так, я всегда на подхвате, я никогда не отказываю Наташе ни в чем и всегда главный в доме, когда нет отца и по сей день все в доме было стабильно и четко.

И они молчали, они не защитили меня, они ничего не сделали, ничего. Этого я не мог понять сначала, потому что многого еще не знал, о нашей семье, точнее и моем отце, Наташе и ее родителях.

Оказалось то, что отец заключил когда-то очень давно с братом отца Наташи, т.е. с моим дедом, договор, когда был молод, как я сейчас, на большую сумму денег. Наташа тогда только школу закончила, а мой отец уже университет и как раз тогда ему были нужны средства, чтобы купить этот дом, где мы и живем сейчас все вместе. Отец долгое время отдавал долг, где-то лет 6-7 брату отца мачехи, а потом женился на моей маме, родился еще я, ну, и ясно опять расходы, но в долги он больше не влезал.

Но, об этом знал мой дед, со стороны мачехи и этим и

kozyрял, что, мол, это так же и их дом, как и его, в связи со всем выше сказанным. Если бы я знал об этом раньше, то... То, что? Я и сам не знал, что бы сделал. Да, ничего наверно. Но, с того дня, точнее ночи, я решил устроиться работать, во-первых, любая теория применима на практике, а во-вторых, я решил отделиться.

По наследству мне причитался кое, где кусок земли, где я и собирался строить свой дом. Но, на душе было гадко. Вообще-то я никогда не особо любил говорить кому-то о том, что у меня на душе или что – то еще. Не привык как-то.

Я никогда ничего не делаю спонтанно, долго или мало, но я сначала обдумываю, если это касается глобальных вещей. Вот я и обдумывал всю ночь.

Когда в доме погасли все свечи, так сказать, сестры в соседней комнате уже давно спали, а родители наверни-ка, перешептывались, причем что мои, что родители Наташи, вот тогда-то на меня накатило. Впервые я пожалел, что я одинок, что у меня нет друзей, настоящих друзей.

Я долго лежал и думал, потом я понял, что я не совсем один, у меня есть мои предки, мои боги. Я подумал о Лилиан, о том, как бы она среагировала бы и повела себя в данной ситуации. – «Она наверно бы наорала бы на всех и, развернувшись, ушла бы в ночь». – Подумал я, а затем добавил. – «А может и нет». – Нет, ей говорить совсем не хотелось о моих семейных дрызгах, да и вообще. С лета я ее больше так и не видел.

Потом я подумал об Эльвире, о том, что ей я тоже ничего не буду говорить, потому что мы еще мало знакомы и потому что я такой человек. Социально скрытный.

Наутро я уже знал, как дальше быть и как себя вести. Родственники остались у нас отмечать новый год, а это значило лишь одно, что праздник уже испорчен, поэтому, когда я помог Наташе управиться на кухне с тяжелым противнем, я собрал вещи и пошел в никуда. Пусть отец сам их развлекает, решил я, а с меня порции дерма хватит, вчера наелся.

Единственного человека, которого мне было поистине жалко, это была Наташа, я даже не был уверен по любви ли она вышла за отца, и любил ли он ее, но судя по тому количеству сестер, что у меня, было, наверно сильно любил одним местом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.